

8. *Oчерки истории Калмыцкой АССР. Дooktjabr'skij period* [Sketches of history of Kalmyk ASSR. Pre-October period]. Moscow: Nauka, 1967, 479 p.
9. Pal'mov N.N. *Jetjudy po istorii privolzhskih kalmykov* [Studies on the stories of the Volga Kalmyks]. Astrakhan, 1927, Vol. II, 231 p.
10. Pal'mov N.N. K Astrahanskomu periodu zhizni V.N. Tatiweva [By the Astrakhan period of life of V.N. Tatischev]. *Izvestija Akademii nauk SSSR* [News of Academy of Sciences of the USSR], 1928, Iss. 7, no. 4–7, pp. 317–341.
11. Pal'mov N.N. *Materialy po istorii kalmyckogo naroda za period ego prebyvanija v predelah Rossii* [Materials on the stories of the Kalmyk people during its stay in borders of Russia]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 2007, 464 p.
12. Pisarenko K.A. Protokoly priemov imperatricej Elizavetoj Petrovnoj rukovodstva kollegii inostrannyh del v 1745 g. [Protocols of receptions by empress Elizabeth Petrovna of the management of board of foreign affairs in 1745]. *Rossijskij arhiv* [Russian archive]. Moscow: Rossijskij fond kul'tury. Studija «Tritje» Nikity Mihalkova, 2007, vol. XVI, pp. 61–233.
13. Popov N. V.N. *Tatiwev i ego vremja* [V.N. Tatischev and his time]. Moscow, 1861, 803 p.
14. *RGADA*, F. 15, Op. 1, Ed. hr. 65.
15. *RGADA*, F. 819, Op. 1, Ed. hr. 7.
16. *RGVA*, F. 20, Op. 1/47, D. 328, Ch. 1.
17. Solov'ev S.M. *Sochinenija* [Compositions] : v 18 kn. Moscow : Mysl', 1993. Kn. XI. *Istorija Rossii s drevnejshih vremen* [Book XI. History of Russia since the most ancient times], vol. 21–22, 620 p.
18. Toropicyn I.V. Uchastie V.N. Tatiweva v snoshenijah Rossii s Kabardoj v seredine 40-h gg. XVIII v. (Neizvestnye pis'ma V.N. Tatiweva) [V.N. Tatischev's participation in the intercourses of Russia with Kabarda in the mid-forties of the XVIII century. (V.N. Tatischev's unknown letters)]. *Sbornik RIO* [Collection of RIO]. Moscow: Russkaja panorama, 2002, vol. 5 (153), pp. 167–186.
19. Toropicyn I.V., Ishin V.V. Problemy osuwestvlenija migracionnoj politiki v Rossii v kontekste administrativnogo dvoevlastija v Astrahanskoj gubernii v seredine XVIII v. [Problems of implementation of migratory policy in Russia in a context of an administrative diarchy in the Astrakhan province in the middle of the XVIII century]. *V.N. Tatiwev i problemy gosudarstvenno-administrativnogo upravlenija v Rossii v proshlom i nastojawem: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (Astrahan', 5–7 oktjabrja 2006 g.)* [V.N. Tatischev and state administrative management problems in Russia in the past and the present: materials of the International scientific conference (Astrakhan, October 5–7, 2006)]. Astrakhan: Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2006, pp. 107–113.
20. Toropicyn I.V. Rossija i nogajcy: poisk putej samoopredelenija i sosuwestvovanija (pervaja polovina XVIII v.) [Russia and Nogais: search of ways of self-determination and coexistence (the first half of the XVIII century)]. *Tjurkologicheskij sbornik 2009–2010: Tjurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Tjurkologicheskij sbornik 2009–2010: Turkic people of Eurasia in the ancient time and Middle Ages]. In: *vostochnyh rukopisej RAN* [Institute of east manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Vostochnaja literatura, 2011, pp. 330–359.
21. Sjurjumov A.V. *Kalmyckoe hanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskij vzaimootnoshenij* [The Kalmyk khanate as a part of Russia: problems of political relationship]. Elista: Dzhangar, 2007, 464 p.
22. Juht A.I. Pis'ma V.N. Tatiweva 1742–1745 gg. [V.N. Tatischev's letters of 1742–1745]. *Istoričeskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, 1979, T. 104, pp. 282–337.
23. Khodarkovsky M. *Where two worlds met: the Russian state and the Kalmyk nomads, 1600–1771*. Ithaca: Cornell University Press, 2006, 285 p.

**О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ ТАТАР
БУХАРСКОГО, ГИЛЯНСКОГО И АГРЫЖАНСКОГО ДВОРОВ
(КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.)**

Имашева Марина Маратовна, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский филиал Саратовского государственного аграрного университета
им. Н.И. Вавилова
414004, г. Астрахань, ул. Софьи Перовской, 96
E-mail: imaschewa@yandex.ru

В статье рассматриваются ключевые моменты торгово-предпринимательской деятельности Бухарского, Агрыжанского и Гилянского татарских дворов города Астрахани на рубеже XVIII–XIX веков. Автор раскрывает причины сокращения объемов торговли, ее характер и ассортимент. Дается анализ этнического и социального состава причисленных к дворам жителей. Особую значимость исследованию придает тот факт, что в работе использованы архивные источники, большинство из которых публикуются впервые.

Ключевые слова: предпринимательство, гостинный двор, татары, купечество, внутренняя торговля, товарно-денежные отношения, торговая лавка.

**ON THE BUSINESS OF TATARS OF BUKHARA,
GILYAN AND AGRYZHISKY YARDS
(THE END OF THE XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES)**

Imasheva Marina M., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan branch of Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov
96 Sophia Perovskya st., Astrakhan, 414004, Russia
E-mail: imaschewa@yandex.ru

The paper provides the key points of trade and business activities of Bukhara, Agryzhansky and Gilyan Tatar yards of Astrakhan at the turn of XVIII–XIX centuries. The author reveals the reasons of reduction in trade volumes, its nature and range. The analysis of ethnic and social composition of the population ranked among the yards is given. The archive sources most of which have been published for the first time are used in the work and this fact attaches a special significance to the study.

Keywords: Business, Shopping arcade, Tatars, Merchant class, Internal trade, Commodity-money relations, Trade shop.

В середине XVI в. появилась русская Астрахань, и с первых же лет своего существования стала не только значимым в военно-стратегическом отношении пунктом, но и главными торговыми воротами России на Восток. Уже в 1558 г., когда еще русскую Астрахань только собирались строить, как зафиксировали летописи, к первому астраханскому воеводе, Ивану Черемисинову, приехало множество среднеазиатских и персидских купцов. Воевода принял их благосклонно, и с этого времени, собственно, и началась активная русско-азиатская торговля.

Одним из выражений политики Ивана Грозного в отношении восточных торговцев в Астрахани стало строительство гостиных дворов за счет казны: Гилянское для персидских («кызылбашей», как их называли на Руси) и Бухарское для среднеазиатских («тезиков»). За постой в этих дворах с иностранных купцов собирали в пользу казны деньги [21, с. 58–59].

Как следует из самих названий, основателями Гилянского двора стали торговцы из Ирана и Закавказья, Бухарского – купцы из Средней Азии. В 1673 г. кроме этих двух дворов в результате реконструкции появляется новый двор – Агрыжанский [1, с. 160–165]. Жителями Агрыжанского двора стали потомки от браков купцов-индусов с местными татарками, которые и назывались «агрыжанские татары» или «агрыжане» [24, с. 113].

В XVII в., как пишет автор Ключаревской летописи и авторитетный знаток астраханской старины XIX в. А.Н. Штылько, торговые подворья стали содержаться за счет иноземцев «в складчину». Так, за счет азиатских купцов были выстроены торговые ряды, лавки подворья караван-сараев, а также мечетей при них [22, с. 202].

Конечно же, максимально точно датировать время основания трех «татарских» дворов нам не представляется возможным. Более того, эта задача представлялась неразрешимой уже в начале XIX в. Так, на запрос астраханского губернатора в сентябре 1808 г. астраханский полицмейстер весьма расплывчато отвечал: «...означенных трех дворов татары жительствоуют в городе Астрахани с давних лет, а когда именно и на каком положении они были поселены, полиция сведения никакого не имеет, а должно оно находится в губернском архиве». Но и в архиве никаких сведений не оказалось [4, л. 27]. Интересно, что и сами жители дворов, в том числе и старосты дворов, опрошенные самых «старейших и достойнейших», не могли назвать даже приблизительно время появления дворов в Астрахани [4, л. 19–20]. «Отыскать твердого и утвердительного сведения» о том, когда и как прибыли жители дворов «для поселения в Астрахани», губернатор, несмотря на несколько раз повторившиеся запросы так и не смог [8, л. 2 об.].

На наш взгляд, следует особо остановиться на особенностях употребления этнонима «татары» в отношении причисленных к этим дворам жителей и отметить то об-

стоятельство, что все-таки этнически, татарами, в современном понимании этого слова, населявшие три двора жители, не были. Как известно, «татарами» до революции именовали практически все тюрко-язычное население империи. Не исключением стали и представители различных среднеазиатских народов, приезжавших в Астрахань с караванами и оседавших здесь на постоянное жительство [23, с. 7].

На конец XVIII – начало XIX вв. приходится законодательное оформление статуса населения Бухарского, Гилянского и Агрыжанского татарских дворов города Астрахани и его хозяйственно-экономических занятий. Отдельно стояла проблема сословной приписки населявшего двора населения.

До 1786 г. татары трех дворов жили «на своем собственном положении, издавна вступив в подданство России». Это означало, что на основании законодательства Петра I и Елизаветы Петровны, числясь российскими подданными, жители дворов пользовались правами своего самоуправления, подчиняясь специально созданному в Астрахани Азиатскому Магометанскому суду и платя казне незначительные пошлины.

Основным занятием их в этот период была торговля и мена со средне- и ближневосточными государствами (Бухарой, Хивой, Персией, туркменскими и казахскими аулами) русскими товарами, а также торговля «азиатскими» – в небольших лавочках в самой Астрахани. Торговля была не очень значительная, как впрочем, и численность населения самих дворов, которая в 1797 г., по сведениям Астраханского Губернского Правления, составляла 312 человек мужского пола. В пользу государства все три двора ежегодно, с 1746 г., исправно платили «по тарифу и сверх того» 500 рублей пошлины (земских повинностей). Налог составил из следующих сумм: за торговый промысел, сверх платимой с привозных и отпускных товаров, платили 150 рублей; «в помощь российскому купечеству», на содержание военных казарм – 300 рублей, на иные военные потребности – 50 рублей. Раскладкой этого налога по дворам и душам ведали сами татары. Торг, несмотря на свою малозначительность, был «достаточным», на бедность татары не жаловались, недоимок за дворами не числилось [4, л. 5–5 об.].

Как известно, в 1785 г. была проведена губернская реформа, которая обязала городское население записаться в мещанское или купеческое звание. В 1786 г. было создано Кавказское Наместничество, и, в том же году, руководствуясь положениями Городового положения, генерал-губернатор граф Г.А. Потемкин «принудил» общество трех дворов записаться в российское купечество и мещанство, «не уважая даже незнания ими языка, законов и правил благоустроенного российского общества». Большинство жителей Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов предпочли записаться в мещанство, что в свою очередь обусловило увеличение налогов. Само население дворов попало в ведение Городового Магистрата. Тогда же, на рубеже 1780–1790-х гг., в силу ряда объективных причин (о чем будет сказано ниже – *М.И.*), торговые обороты татарокончательно приходят в упадок. Это обстоятельство вынудило последних искать новые источники существования, которые они нашли в найме в качестве рабочих и приказчиков у астраханских рыбопромышленников и купцов. Доходы жителей дворов резко упали. Налоги, наоборот, выросли. С новыми пошлинами жители дворов справиться оказались не в силах, и к началу 1799 г. недоимка составила 6304 руб. 24 коп. [4, л. 6].

Тяжелое финансовое положение вынудило общество трех дворов снарядить в начале 1797 г. в Санкт-Петербург поверенного, некоего Абдула Абишева, который представил Павлу I и Сенату прошение «о сложении накопившейся недоимки и об исключении татар трех дворов из российского мещанства и купечества», и об оставлении их «на прежнем», бывшем до 1786 г., «положении», ввиду их «чрезвычайного обеднения».

Павел I, который целенаправленно искоренял «скатерининское» наследие, не замедлил откликнуться на просьбу астраханских татар. По его поручению генерал-прокурор А.А. Беклешов и фактический руководитель коллегии иностранных дел граф Ф.В. Ростопчин провели «дознание» по делу татар трех дворов. Кавказскому наместнику графу И.В. Гудовичу и Астраханскому губернатору А.В. Алябьеву было предписано собрать сведения об астраханских татарах трех дворов, об их «прошлом и нынешнем состоянии».

Сведения, предоставленные Гудовичем и Алябьевым, содержали следующее: «...татары Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов по бедности своей, так и по незнанию языка и законов российских не в состоянии несть мещанского тем паче купеческого звания». Но, тем не менее, добавлял Гудович, «...к званию сему, они уже несколько привыкли, а со временем могут сделаться и совсем способными, исключиться же из оного желают единственно для того, чтобы избежать общественной тягости». В результате, 16 июля 1797 г. Сенат решил оставить татар трех дворов в мещанстве, а недоимку с них сложить, «по причине, что они записались в мещане не по собственному желанию» [4, л. 6 об.].

Посланник общества астраханских татар Абишев, тем не менее, не довольствуясь этим результатом, продолжил хлопоты, направленные на «сложение тягостного и неудобноносного бремени», связанного с запиской в российское городское сословие, и продолжал «утруждать» государя Императора «всеподданнейшею просьбой о возвращении их в первобытное положение, как ближайшее к азиатским обычаям и образу жизни». Просьбы нашли отклик и 11 ноября 1799 г. вышел именной указ Павла I. На основании этого указа татары Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов были выписаны из мещанского звания в самостоятельное сословие, в дальнейшем именовавшееся «татары трех дворов». К числу татар трех дворов были присоединены еще «бывшие в Астраханском Армянском обществе таковые же татары (речь идет о персах, предпочитавших до 1799 г. числиться в Армянском обществе из-за торговых и окладных льгот, предоставленных астраханским армянам правительством – *М.И.*) – 116 душ мужского пола, что и составило всего 428 душ мужского пола», платящих одни только земские повинности [6, л. 10].

В 1800 г. по тому же указу была образована Астраханская татарская управа как учреждение сословного самоуправления татар трех дворов Астраханской губернии. Она выполняла функции судебного учреждения по разбору хозяйственных и торговых дел, в том числе, на основании указа Сената от 9 ноября 1804 г. выдавала паспорта числившимся в дворах татарам для осуществления различных торговых и хозяйственных операций. Создание управы и передача ей перечисленных функций было следствием определенного отношения властей к не совсем понятной, иноязычной и неправославной диаспоре: «...некоторая по обыкновениям азиатцев производимая ими торговля, встречающая по оной друг на друга неудовольствие, но даже и самый разбор их торговых дел по образу их жизни имеют против российских и европейских купцов совсем другую положенность», и настоятельно «требуют создания особого и специального органа» [10, л. 18 об.]. Управа просуществовала до 1879 г., когда функции ее были переданы мировым судьям.

В первое десятилетие XIX в. татары трех дворов вступают в серьезное противостояние с местными властями. Вызвано это было попыткой включить татарское население города в общегосударственную сословную систему и упорядочить систему сбора налогов, связав с принятием Манифеста 1 января 1807 г. [25], содержавшего положения новой гильдейской реформы. На его основании, 20 ноября 1807 г., вышел Указ Астраханского гражданского губернатора в адрес Астраханской татарской управы о «понуждении» татар Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов к записке в торговые гильдии. В случае невыполнения этого требования управе предписывалось не выдавать татарам трех дворов паспортов «для торгу» без донесения губернскому правлению.

Это распоряжение губернских властей вызвало у торговой верхушки дворов неудовольство. В начале февраля 1808 г. в Санкт-Петербурге объявилась делегация, состоявшая из трех представителей Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов: Абду Фатташиха Ходжаева, Султана Мавлюйбердиева и Абубекира Жумагельдиева. В прошении, поданном в Сенат, на высочайшее имя, посланцы просили отменить «принуждение» записываться в гильдии, так как это противоречило предыдущим указам, да и капиталов в 50, 20 и даже 8 тыс. руб., необходимых для записки, соответственно, в 1, 2 и 3 гильдии у населения дворов не имелось: «...татары эти – народ бедный, и пропитание имеют в работе, а не от торга, а как ныне капиталы предложено объявлять преимущественно прежнему, то они никак не в состоянии быть в купечестве».

Татары трех дворов и после 1807 г. желали «...оставаться по дарованной им милости и при городе Астрахани производить мелочный торг, дабы удобно было отправлять, как и прежде отправляли, наравне с российским мещанским обществом по городу разные повинности, а если кто пожелает производить торг внутри государства, тот обязан записаться в гильдии», но руководствуясь в данном случае исключительно личными соображениями [4, л. 1–1 об.].

Они считали, что их мелочная коммерция несколько не составляла конкуренции коммерции астраханского гильдейского купечества. Просители отмечали: «сколько им известно производят торг товарами весьма маловажный, ибо они вообще занимаются рыбной промышленностью, и, отправляя оттуда суда на промыслы, состоящие в Персии, хотя нагружают их товаром, но для продажи в тамошних местах». И, следовательно, «...по таковым оборотам тамошних купцов очень вероятно, что продажа мелочных товаров, производимая ...татарами, никакого влияния на их капитал не сделает, и потому и нельзя ожидать неудовольствия людей гильдейского звания, тем более, когда татарская мелочная продажа включает в себя малозначащие товары и единственное их пропитание». В крайнем случае, жители дворов были даже согласны на ограничение со стороны властей ассортимента товаров, которыми им будет дозволено торговать, чтобы не составлять конкуренцию гильдейскому купечеству [8, л. 9 об.].

В своем Указе о необходимости записки в российские сословия, ставшем причиной отправки депутации в Санкт-Петербург, Губернское Правление преследовало, прежде всего, цели увеличения налоговых поступлений. Ссылаясь на 10 статью, уже упоминавшегося нами Манифеста от 1 января 1807 г., местные власти обязывали записаться в гильдии торгующих татар на правах иностранцев: «...иностранец или заезжий чуждый прав гильдии ничем не торгует в розницу, в доме своем, или в квартире или в Гостином дворе, и не открывает для того ни лавки ни магазина, или подобного тому заведения».

К этому времени ни российским властям, ни самим приписанным к трем астраханским «татарским» дворам жителям так и не было ясно, к какой социальной категории все-таки они относятся. Более того, не было ясно и то, относятся ли они к российским подданным вообще.

Местные власти решили, что причисленные к дворам «татары», все же являются иностранцами, и распространили на них действие вышеуказанной нормы: «...Астраханское губернское Правление сделало повсеместное предписание, чтобы упомянутое, Его Императорского Величества постановление объяснить всем живущим в Астраханской губернии». Власти запретили жителям трех дворов покидать Астрахань по торговым делам в других городах Российской Империи без разрешения Правления и лишили Астраханскую Татарскую Управу права выдавать «от себя паспорта татарам ея не состоящим в гильдиях», с тем чтобы «...и продажа мелочных товаров, производимая татарами, должна быть пресечена в то же время» [8, л. 9–9об.].

Но сами жители дворов рассудили, что это положение «до них не относится», так как они есть не приехавшие какие-нибудь вновь азиатцы, а из давних времен состоят в подданстве России». И, надо сказать, в итоге, вышли победителями в этом споре. Сенат указом от 19 октября 1809 г. «...во уважение жалобы их» постановил «...помянутых трех дворов татарам предоставить равное с казенными поселянами право по мере их торговли и промыслов вступить в мещанство и по капиталам в купечество, на предписанных вообще о казенных поселянах неупражняющихся в хлебопашестве правилах» [8, л. 10].

Но даже и после вступления в силу данного указа, власти не оставили попыток урегулировать мелочную торговлю представителей общества трех дворов в пределах города и губернии. Руководствуясь 11 статьей Городового Положения: «Кто в городе в мещанство не записан, промыслом да не промышлять, под опасением, что за то в законе записано», Губернское Правление настаивало на соблюдении гильдейского законодательства. Противостояние продолжилось.

Одним из вариантов решения проблемы сословной «приписки» татар трех дворов стала попытка переселить их в сельскую местность с определением в государственные

крестьяне. Так, в 1800 г. губернатор И.С. Захаров вознамерился переселить жителей Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов вне пределы города и привить им интерес к «хлебопашеству». Казенная Палата, по распоряжению губернатора, назначила татарам трех дворов землю под поселение в Астраханском уезде по тракту, ведущему к городу Кизляру. Но татары «по несклонности к сему роду жизни» пользоваться землей и переселиться на нее не согласились. Земля была передана калмыкам [11, л. 5].

Татары по-прежнему настаивали на своем праве не подчиняться положениям манифеста и губернаторского указа. Доказательством их правоты, по мнению делегатов, являлся все тот же указ Павла I от 11 ноября 1799 г. и последовавший за ним указ Сената от 17 ноября 1799 г., которые оставляли, как нам уже известно, татар Гилянского, Бухарского и Агрыжанского дворов на «прежнем положении», т.е. на положении до проведения губернской реформы 1785 г.

Татарская Управа писала губернатору: «...трех дворов татары по жительству своему близ города, соответствие имеют, ныне всех городских тягостей облегчает сограждан города. Торг же, хотя и малейшую часть производят, малоценными товарами торгуют, и здешнее купечество обращается в рыбопромышленности, Городовое Положение и Манифест 1807 г. от них не нарушается, как Астраханское губернское Правление в насланном в сию управу Указе предполагает, и приводит 11 статью Городового Положения, которая единственно относится до мещан, а не до гильдейских купцов, коим торг особенным правом предложен и в 10 статье одного Положения, упомянуто разве особою статьею о свободе столь ясно означующее Узаконение оправдывает и помянутых татар потому, что оные быв в сословии мещанского и купеческого звания, но по удостоверению местного начальства, высочайшим повелением оставлены на прежнем основании, как до введения Городового Положения» [3, л. 23 об.–24].

Последовало новое разбирательство экономического и сословного положения общества «трех дворов». По ведомости Астраханской Казенной Палаты, на 1808 г. 428 душ мужского пола, причисленных к «обществу трех дворов», «...кроме земских и по имению в городе домов полицейских повинностей никаких в казну податей не платили, в обязанности по Городовому Положению они не входили» [4, л. 7 об.–8].

На самом деле, осуществляя весьма скромную коммерцию, население трех дворов платило весьма существенные подати, особенно в сравнении с периодом до 1786 г. Так, в 1807 г. обществом трех дворов было уплачено: земских и почтовых сборов – 1098 руб. 17,5 коп.; полицейских и пожарных – 320 руб.; на военные казармы – 568 руб. 16 коп.; на наем военным служителям квартир – 375 руб. 33 коп.; на содержание Татарской Управы – 431 руб. 10 коп.; за ежегодную починку валов на р. Царев – 430 руб.; на наем в 4 и 5 частях города для полиции домов и их обустройство – 175 руб. 99 коп. Сверх того, на обустройство милиции, «во изъявление своей, монаршему престолу, преданности, и в споспешествовании пользам и благосостоянию Империи, добровольно и с общего согласия». Ежегодные платежи в 1800-х гг. составляли от 3000 до 4000 руб. [11, л. 22–22 об.].

Сенат вновь встал на сторону населения трех дворов и рекомендовал губернскому правлению не выходить за рамки Указа от 19 октября 1809 г.

В октябре того же 1809 г. правительство, видимо обратив внимание на уменьшающиеся подати с татар трех дворов, направило в Астраханскую татарскую управу представление экспедиции Советника хозяйственной части Астраханской казенной палаты о том, что Сенат Российской Империи предписал ему собрать сведения: 1) когда в городе Астрахани поселились татары трех дворов Бухарского, Гилянского и Агрыжанского; 2) сколько их по настоящей ревизии числится душ, в каком состоянии и окладах, и в чем они упражняются; 3) какими были обязаны они повинностями до 1786 г.; 4) сколько во владении земли и прочих угодий имеют.

Губернатор сумел собрать следующие сведения: «по настоящей ревизии, считалось в городе Астрахани татар означенных трех дворов 312 душ мужского пола, которые по 1799 г. состояли в астраханском мещанстве, до того времени, когда по высочайшему подтвержденному докладу Господам бывшего генерал-майора Беклешова и действительного тайного советника графа Растопчина оные трех дворов татары обра-

щены в прежнее состояние, и когда Астраханская Казенная палата, получа о том Указ из Правительствующего Сената от 17 ноября 1799 г. приступила к выписке их из мещанского звания, тогда в числе народа, платящего одни только земские повинности, по присоединении к ним еще бывших в Астраханском Армянском обществе таковых же татар 116 душ м.п., что и составило всего 428 душ, кои все теперь и числятся в оном обществе» [12, л. 21 об.].

Вместе с тем, и сами татары трех дворов не всегда соблюдали правила торговли. На 1817–1818 гг. приходится переписка Астраханского губернского Правления, Министерства Финансов и Сената и Астраханской Татарской Управы по поводу необходимости ведения предпринимателями торговых книг на гербовой бумаге, опечатанных в Казенной палате, в которых бы велся учет торговых операций, что стало бы основой для налогового начисления.

Что касается, хозяйственно-экономической деятельности татар Бухарского, Гилянско-го и Агрыжанского дворов, то анализ отложившихся в Государственном архиве Астраханской области документов показывает, что на протяжении рассматриваемого периода происходит постепенное сворачивание торгово-предпринимательской деятельности населения дворов.

В июне 1806 г., исполняя предписание астраханского губернатора Л.А. Кожевникова, Астраханская Татарская Управа направила рапорт в Губернское Правление, в котором содержались сведения о том, «в чем состояло упражнение сих татар, т.е. в торговле ли, скотоводстве, хлебопашестве или других каких промышленностях». Старосты татарских трех дворов: Мамбет Кадырбердиев, Нурай Шабанов и Сафар Ваискулов, доложили, что «...с первых времен переселения на жительство в Астрахань, предки тех татар, будучи купеческого звания и обитатели торговых персидских, шахских и бухарских владений, при посредстве вывезенных ими достаточных капиталов заводи́ли здесь коммерцию и упражнялись в заграничной и, частью, во внутренней торговле» [4, л. 19].

К 1780-м гг., по свидетельству тех же старост, «торговое, оных татар, состояние разрушили разные несчастные приключения, как-то: неоднократно караваны их, шедшие в Бухарию, на пути разграблены были киргиз-кайсаками; торговые лавки их с товарами в 1766 г. во время бывшего в Астрахани большого пожара до основания сгорели; в 1770 г. бежавшие в Тибет калмыки увели у них капитала знатную сумму; также многократно подвергали их бедственному разорению бывшие в Астрахани большие наводнения, затоплением разоряя дома и погубляя без возврата разное их имущество». Этими несчастьями «быв приведены те татары в крайнюю бедность, и, потеряв все меры к восстановлению заграничной торговли, бывшей коренным их основанием». В 1786–1799 гг. в бытность свою «в записке» в российских мещанстве и купечестве, жители трех дворов стали изыскивать различные способы «иснискания себе пропитания», и «не имея кроме торга к другим изворотам способности, старались в городе мелочною, по крайней мере, разных вещей, продажею поддержать свое расстроенное состояние» [11, л. 20].

Для торговли внутри города требовалось восстановить лавки, сгоревшие в пожаре. И в 1791 г. население трех дворов обратилось к генерал-губернатору Потемкину с просьбой разрешить выстроить деревянные лавки за свой счет. Потемкин решил, что городу нужны не деревянные, а каменные лавки, которые и повелел выстроить. Татары к тому времени настолько обеднели, что вынуждены были взять на строительство кредит в Астраханском Коммерческом банке. Лавки были выстроены «с пожертвованием последнего имения», а заем выплачивали до конца 1790-х гг. Вместе с тем, осуществляя платежи по кредиту, «общество трех дворов» оказалось не в состоянии платить государственные пошлины. Тогда-то и образовалась недоимка в 6304 руб. 24 коп., которую «сложил» в 1799 г. Павел I. Несмотря на успешное завершение строительства каменных торговых лавок, татары Бухарского, Гилянско-го и Агрыжанского дворов так и не смогли уже вернуть прежних «значительных» торговых оборотов и капиталов [3, л. 20].

По свидетельству гражданского губернатора Кожевникова, в 1808 г. жители дворов имели «по большей части недостаточное состояние, некоторые упражнялись в работах у армян астраханских и купцов, с торгами их, исправляя из найма прикащики должности, некоторые и сами переторговывали вещами малоценными в городе и улусах калмыцких» [11, л. 5 об.].

В начале XIX в. у татар трех дворов капиталов, «потребных для купеческого гильдейского состояния», не было. Впрочем, капиталов в 20–50 тыс. руб. не было и в предыдущие десятилетия, «во время свободного действия здешней коммерции». К 1810-м гг. торговые обороты и вовсе были «доведены до совершенного упадка» и никто уже «ни с заграницею, ни внутри России торгова не производил». Да и в самом городе промышленные предприятия «общества» практически никакой роли не играли, и на торговлю российского купечества никакого влияния не имели.

В 1808 г. из 235 семейств трех дворов мелочной лавочной торговлей «промышляли» только 23 семейства. 11 из них занимали лавочки на Татарском базаре, торговали лекарственными растениями, употреблявшимися только мусульманами Астрахани, и имели в годовом обороте от 100 до 200 руб.

Восемь семейств в разных частях города арендовали по одной лавке. Они торговали в небольших количествах холстом и другими «бумажными, низкой доброты, азиатскими и на простонародный вкус материями, как то: выбойки, крашеные бязи или кумачи, бурмети». У этих торговцев в обороте находилось от 500 до 1000 руб.

Еще шесть семейств занимались продажей у Белой мечети (мечеть прихода Гилянского двора – *М.И.*) разных местных «вещей и припасов. 5 семей занимались мясной торговлей; 2 – выпечкой хлеба для татар; 4 – крашением пряденой бумаги; 4 – выделыванием в собственных домах ковров на "азиатский вкус"; 4 – продажей в калмыцких и татарских улусах табака и прочих мелочей».

И все эти 45 семейств «не для торговых интересных выгод и своего обогащения занимаются теми промыслами, а для доставления токмо себе ежегодного пропитания», – заключает Астраханская Татарская Управа. Остальные 190 семейств, за исключением 10, избравших кочевой образ жизни и занимавшихся выпасом скота, занимались в черную работу, на рыбные промыслы и на суда на Каспийском море [3, л. 21 об.–22].

Таким образом, к началу 1810-х гг. о былых успехах на ниве коммерции, когда производился «знатный торг бухарскими и персидскими товарами», оставалось только вспоминать. Во всяком случае, такого мнения придерживался астраханский полицмейстер [3, л. 29 об.]. С этого времени жители трех дворов предпочитают не вести самостоятельную коммерцию в рамках гильдейской записки, а наниматься приказчиками к купцам-татарам, прежде всего астраханским и казанским.

Если говорить о количестве татар, приписанных к обществу трех дворов, числившихся в описываемый период в астраханском гильдейском купечестве, то мы с уверенностью можем констатировать тенденцию к уменьшению их числа. Более того, даже те, кто в купечество записывались (и во вторую гильдию), делали это отнюдь не из желания развивать свои торговые операции. Татарин Бухарского двора Асан Курбанов в 1845 г. так объяснял Казенной Палате свое желание записаться в купцы: «...большие и богатые семьи ... входят в купечество, а потому и избегают от рекрутства сыновей своих» [15, л. 5 об.].

Если в 1792 г. во второй гильдии числилось 3 купца, в третьей гильдии – 17 выходцев из трех дворов [20, л. 8 об.–10]; в 1828 г. – 7 [6, л. 2–26 об.], а в 1841 г. – 4 и только в третьей гильдии [18, л. 10]. Из среды торговых людей, приписанных к трем дворам, в 1860-е гг. только Измаилу Кутлаевичу Кардашеву (из татар Бухарского двора) удалось выйти в купцы второй гильдии, основать собственную династию и достаточно стабильный бизнес, просуществовавший до революции [19, л. 10].

Вместе с тем, некоторых татар трех дворов нессытая жизнь в городе вынуждала искать занятия вне его пределов. В 1855 г. из 171 семейства, числившихся по 8 ревизии в дворах, 34 (почти 20 %) – кочевали по калмыцкой земле. Причем почти все они скота или совсем не имели (т.е. батрачили) или имели от 3 до 10 коров, от 1 до 5 ло-

шадей, до 50 баранов, от 2 до 5 верблюдов, по 10–15 коз. Значительным поголовьем скота смогли обзавестись только две семьи: татарина Бухарского двора Муссы Алиева (20 верблюдов, 100 лошадей, 30 коров, 1000 баранов, 100 коз) и татарина Гилянского двора Мавлют Али Идяева (10 верблюдов, 50 лошадей, 10 коров, 400 баранов) [16, л. 15–15 об.].

С 1810-х гг. жители трех дворов предпочитают не вести самостоятельную коммерцию в рамках гильдейской записки, а наниматься приказчиками к купцам-татарам, прежде всего астраханским и казанским. Также татары трех дворов все еще поддерживали торговые отношения с торговцами иных национальностей и, прежде всего, с индусами и армянами. Так, татарин Бухарского двора Ильяз Курманалиев 14 мая 1802 г. обратился с прошением в Управу с просьбой не взыскивать с него долги покойного брата Мамбета Курманалиева, с которым он состоял в разделе, но вел его дела в качестве приказчика. Умерший был должен достаточно крупную сумму – 1000 руб., индийскому купцу Могандасу Теридасову и до 800 руб. разным купцам – армянам и мусульманам [7, л. 1–3].

И все же, весной 1819 г. Астраханское губернское правление вновь обратилось к Татарской управе с требованием, чтобы торгующие в Астрахани татары, не имеющие узаконенного права на торговлю, «впредь отнюдь этой торговли не производили бы, и те, как не записались в гильдии и не имеют узаконенных свидетельств ныне занимающиеся торговлей», обязаны в течение четырех месяцев, т.е. к 1 июля 1819 г., «непременно или приобрести право на торговлю или торговлю прекратить и товар свой распродать» [10, л. 13].

Городские и губернские власти в 1820-е гг. не спешили сбрасывать со счетов значимость предпринимательской деятельности татар трех дворов в масштабах региона. В 1820-е гг. Городская Дума неоднократно обращалась к Татарской Управе с просьбой направить выборных депутатов на свои заседания с целью выяснения мнения дворов о тех или иных мероприятиях Правительства, «касающихся до коммерции».

12 мая 1828 г. Астраханский городской Голова просил «для исполнения предписания управляющего здешним краем и требования ... приискания способов к улучшению состояния городов, касательно доставления подробнейшего и статистического описания городов Астраханской губернии с объяснением какого рода торговля и промышленность по местному сих городов положению жителям коих прилична и приносит каковые пользы», направить в специально созданное по этому вопросу, по распоряжению Астраханского губернатора, Присутствие двух выборных депутатов от татарского общества. В состав присутствия вошли астраханский полицмейстер, уездный судья стряпчий, земский исправник, городской голова, почетные граждане и представители от сословных обществ. Делегатами были избраны Бухарского двора татарин Исмаил Юсупов и Агрыжанского – Мирветали Берды Сафаров, которые и приняли участие в заседании 15 мая [12, л. 1, 5].

20 октября 1828 г. Городская Дума вновь обращается в Татарскую Управу с просьбой направить на заседание Думы двух «достойных делегатов» для выборов Мануфактурного корреспондента в Астрахани, который бы наблюдал в Астрахани успехи мануфактурной промышленности, «мог в случае нужды излагать свободно на бумаге мысли и замечания свои, исполнительного». О своих выводах корреспондент должен был сообщать во вновь учреждаемый при Департаменте Мануфактур и внешней торговли, по распоряжению министра Финансов, Мануфактурный совет в Москве [13, л. 1, 13 об.].

Обращение по поводу мануфактурного корреспондента к татарам трех дворов не случайно. В течение всего XIX в. министерство финансов собирало ежегодные отчеты о количестве фабрик и заводов в губерниях и городах. Сводные ведомости по Астрахани описываемого периода показывают, что представителям Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов в 1825 г. принадлежит 7 из 21 хлопчатобумажных фабрик (т.е. $\frac{1}{3}$ часть) [15, л. 70–71]. Но и здесь прослеживается процесс сокращения участия татар трех дворов в предпринимательской деятельности. В 1860-м г. из 7 хлопчатобумажных фабрик ни одна им уже не принадлежала [5, л. 49–50 об.].

Конечно, несмотря на общий упадок коммерческих дел, не все причисленные к дворам оказались неспособными вести сколько-нибудь серьезную торговлю. Ежегодно на общих собраниях дворов избирались судьи в Астраханскую Татарскую Управу. Понятно, что таковыми могли стать только уважаемые и состоятельные люди, так как эта общественная должность никак не оплачивалась, и позволить себе ее занимать могли только люди состоятельные. В судьи баллотировались люди имевшие деньги и заслужившие хорошую репутацию своей коммерческой деятельностью, последнее обстоятельство считалось самой хорошей рекомендацией.

17 июня 1829 г. 1-й судья Управы Абдулкерим Джакаев на заседании просил отпустить его в отпуск, так как он «...имеет самую необходимую надобность по коммерческим обстоятельствам, производимым на Макарьевской ярмарке на немалую сумму, к соблюдению оборотов и капиталов своих от непредвиденных расстройств за настоящим отсутствием его, отправится на днях на упомянутую ярмарку на 3 месяца». На место отъехавшего на ярмарку судьи А. Джакаева был поставлен кандидат, не менее состоятельный, мулла Шариф Абдуллаев [14, л. 1]. И такое прошение судьи управы к обществу об отлучке по коммерческим делам являлось правилом, а не исключением.

Торговые обороты некоторых, причисленных к дворам, предпринимателей распространялись не только на Макарьевскую ярмарку. В августе 1810 г. в Москве, находясь по торговым делам, умер персиянин Магмет Керим Джафаров, приписанный к обществу трех дворов. С Джафаровым было наличными около 19000 руб., вырученных с продажи привезенных товаров, кроме того им были куплены в Москве разные товары, предназначенные для отправления в Астрахань. В «немалой сумме», как оказалось, состояло и выморочное имущество: в Астрахани – большой деревянный дом; купленное в июне 1809 г. дворовое место с каменными и деревянными строениями на нем, оцененное в 9000 руб.; дом на Екатерининской улице, против Индийского Гостиного двора множество закупленного материала; в гостином дворе, у здешнего купца Калуста Алабова, лавка с товарами, имуществом и дорогими вещами [9, л. 1].

С уверенностью можно констатировать, что с конца 1830-х гг. татары трех дворов перестают играть какую-либо значительную роль в коммерческой жизни города. Во второй половине века население дворов начинает считаться частью татарского населения Астрахани, они ассимилировались с юртовскими татарами, с которыми охотно вступали в браки [23, с. 14]. Стремительно падало их благосостояние и участие в торговых делах.

В 1856 г. из 72 семейств, приписанных к населению дворов, только 7 занимались торговлей и имели большие деревянные (даже не каменные – *М.И.*) дома в собственности, остальные в большинстве своем были заняты в «черной работе» [17, л. 1–44]. В 1876 г. была закрыта Татарская управа, а население трех дворов было переписано в астраханские мещане. Былая слава искусных и оборотистых торговцев канула в лету.

Список литературы

1. Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. / Н. Б. Голикова. – Москва, 1982.
2. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1070.
3. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 4202.
4. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 4204.
5. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 530.
6. ГААО. – Ф. 480. – Оп. 1. – Д. 604.
7. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 42.
8. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 105.
9. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 147.
10. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 245.
11. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 315.
12. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 720.
13. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 721.
14. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 812.
15. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 1070.
16. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 1379.
17. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 1417.

18. ГААО. – Ф. 542. – Оп. 1. – Д. 6.
19. ГААО. – Ф. 542. – Оп. 1. – Д. 13.
20. ГААО. – Ф. 880. – Оп. 1. – Д. 236.
21. Гусарова Е. В. Астраханские находки: история, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Санкт-Петербурга / Е. В. Гусарова. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 58–59.
22. Зайцев В. И. Астраханское ханство / В. И. Зайцев. – Москва, 2004. – С. 202.
23. Исхаков Д. М. Астраханские татары: этнический состав, расселение и оценка численности в XVIII – начале XX вв. / Д. М. Исхаков // Астраханские татары. – Казань, 1992. – С. 14.
24. Небольсин П. И. Очерки Волжского понизовья / П. И. Небольсин. – Санкт-Петербург, 1852. – С. 113.
25. Полный свод законов Российской империи. Собрание первое. – Т. 29. – № 22178.

References

1. Golikova N.B. *Oчерki po istorii gorodov Rossii konca XVII – nachala XVIII v.* [Sketches on the history of the cities of Russia of the end of XVII – the beginning of the XVIII century]. Moscow, 1982.
2. *Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti (dalee – GAAO)* [The state archive of the Astrakhan region], F. 1, Op. 1, D. 1070.
3. *GAAO*, F. 1, Op. 1, D. 4202.
4. *GAAO*, F. 1, Op. 1, D. 4204.
5. *GAAO*, F. 1, Op. 8, D. 530.
6. *GAAO*, F. 480, Op. 1, D. 604.
7. *GAAO*, F. 488, Op. 1, D. 42.
8. *GAAO*, F. 488, Op. 1, D. 105.
9. *GAAO*, F. 488, Op. 1, D. 147.
10. *GAAO*, F. 488, Op. 1, D. 245.
11. *GAAO*, F. 488, Op. 1, D. 315.
12. *GAAO*, F. 488, Op. 1, D. 720.
13. *GAAO*, F. 488, Op. 1, D. 721.
14. *GAAO*, F. 488, Op. 1, D. 812.
15. *GAAO*, F. 488, Op. 1, D. 1070.
16. *GAAO*, F. 488, Op. 1, D. 1379.
17. *GAAO*, F. 488, Op. 1, D. 1417.
18. *GAAO*, F. 542, Op. 1, D. 6.
19. *GAAO*, F. 542, Op. 1, D. 13.
20. *GAAO*, F. 880, Op. 1, D. 236.
21. Gusarova E.V. *Astrahanskije nahodki: istorija, arhitektura, gradostroitel'stvo Astrahani XVI–XVIII vv. po dokumentam iz sobranij Sankt-Peterburga* [Astrakhan finds: history, architecture, town planning of Astrakhan of the XVI–XVIII centuries according to documents from collections of St. Petersburg]. St. Petersburg, 2009, pp. 58–59.
22. Zajcev V.I. *Astrahanskoe hanstvo* [Astrakhan khanate]. Moscow, 2004, p. 202.
23. Ishakov D.M. *Astrahanskije tatary: jetnicheskij sostav, rasselenie i ocenka chislemnosti v XVIII – nachale XX vv.* [Astrakhan Tatars: ethnic structure, moving and a number assessment in XVIII – the beginning of the XX centuries]. *Astrahanskije tatary* [Astrakhan Tatars]. Kazan, 1992, p. 14.
24. Nebol'sin P.I. *Oчерki Volzhskogo ponizov'ja* [Studies of the Lower Volga region]. St. Petersburg, 1852, p. 113.
25. *Polnyj svod zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe* [Full code of laws of the Russian Empire. The first code], vol. 29, no. 22178.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АФРО-ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Кудряшова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
E-mail: Ylyub@mail.ru

Проблема культурного взаимодействия остается актуальной на протяжении длительного времени. При этом важно выявить не только истоки политических, национальных, религиозных противоречий, часто приводящих к вооруженным столкновениям между народами,